

В указанных 6 жемайтских могильниках вскрыто около 700 погребений, но известны только 2 погребения с трупосожжением. Это погребение № 200 в Пагрибис (в мужском погребении с трупоположением V—VI вв. находилось трупосожжение ребенка) и своеобразное трупосожжение № 227 из могильника Мауоркорай (в яме находились сожженные кости, а на нихложен череп, погребальный инвентарь отсутствует, по окружающим погребениям с трупоположениями трупосожжение следует отнести к VIII—X вв.). В остальных жемайтских могильниках (Якштайчай, Паижнис, Шяудаляй) погребения с трупосожжениями являются более поздними (относятся к XI—XIV вв.) или более ранними (Шаркай). Поэтому на карте отмеченные памятники не подтверждают предположений о миграции «пражемайтов» на запад.

Погребение с трупосожжением V—VI вв. из могильника Грейженай на северной окраине территории скальвов также, видимо, связано не с упомянутой миграцией, так как обряд трупосожжения на их земле известен с IV в. н. э., а на соседней Самбии и Нардовии существовал и во II—IV вв.

Погребения с трупосожжениями VIII в. в могильнике Вилку Кампас находятся севернее Скальвии, уже в Ламатской земле. И более обоснованно можно предполагать, что этот обряд здесь распространялся под влиянием родственных скальвов, а не «пражемайтов».

В. И. КУЛАКОВ

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПРУССОВ V—XII ВВ.

Прусы — древнее население западных рубежей балтского мира — до сих пор не имеют целостной истории. Письменные источники донесли до нас отрывочную информацию о событиях на Витланде — Самбии в IX—XII вв. (Вульфстан, Ибрагим-ибн-Якуб, Варфоломей Английский), факты последних лет прусской свободы (Петр из Дусбурга). Местные предания легли в основу «Прусской хроники» Симона Грунау (нач. XVI в.). Все эти фрагментарные данные могут способствовать воссозданию этапов истории

prussov только при наложении на четкую хронологическую систему. Последняя может быть создана на богатейшем материале раскопок последних полутора веков.

Основы прусской хронологии были заложены в конце XIX в. О. Тишлером¹. Его работа долгое время служила базой для датировки древностей железного века всей Прибалтики. Периоды, предложенные О. Тишлером (А—Е), охватывавшие I в. до н. э. — VI в. н. э., были уточнены А. Бецценбергером² и Г. Кемке³ и продолжены ими вплоть до XIII в. (Е—Н). Вся хронологическая шкала базировалась на абсолютных датах по импортным предметам, связи внутри шкалы в ряде случаев были прокоррелированы в пределах отдельных археологических комплексов. Данная шкала, долгое время служившая образцом исследований подобного рода для III—V вв. н. э., была дополнена К. Годловским⁴.

Возможность создания дробной хронологии раннесредневековой культуры пруссов, излагаемой ниже, представилась после обнаружения в 1975 г. части коллекционных описей бывш. Пруссия—Музеум. Для данной работы в целом привлечены 1035 погребений из могильников Самбии (Доброе, Кауп, Ирзекапинис), Натангии (Суворово) и западной части Мазурского Поозерья (Ментке, Махары, Тумяны, Лесески). Материалы старых описей, давшие основной массив артефактов, позволили провести доскональную корреляцию находок в пределах комплексов. Анализ по системе П. П. Ефименко⁵ проводился по каждому памятнику в отдельности. Выявлены сходные для всех могильников устойчивые сочетания определенных предметов по подтипам и вариантам, прежде всего — фибул и пряжек (для V—нач. VIII вв.), удил и стремян (для X—XII вв.). Хронологический характер типологических рядов инвентаря одной культуры признан в советской археологической науке уже полвека назад⁶.

Суммируя данные хронологии указанных выше могильников⁷, представилась возможность создать общую картину хронологии прусской культуры V—XII вв. (рис. 1, 2). Обращает на себя внимание факт логичного, поступательного развития артефактов во времени. Особенно четко это прослеживается на примере украшений V—VIII вв.

Общие тенденции развития инвентаря позволяют фиксировать две наиболее общие фазы в развитии культуры пруссов: V — нач. VIII и IX—XII вв. На рубеже этих фаз исчезают последние черты облика местной материальной культуры эпохи переселения народов (в виде арбалетовид-

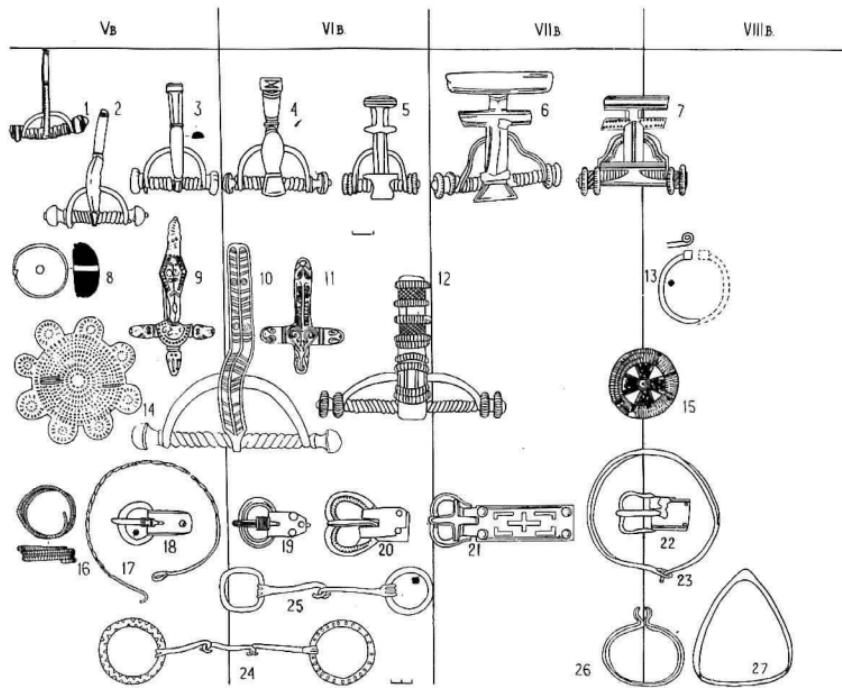

Рис. 1. Хронология прусской культуры V—VIII вв.

1 — грунт мог. Доброе, погр. 17; 2 — Доброе, погр. 19; 3 — Доброе, погр. 20; 4 — Ментке, погр. 111; 5 — Тумяны, погр. 118; 6 — Ментке, погр. 559; 7 — Тумяны, погр. 80; 8 — Доброе, погр. 12к; 9 — Варенген, погр. б/№; 10 — Тумяны, погр. 150; 11 — Доброе, погр. 57 (раск. 1943 г.); 12 — Тумяны, погр. 52; 13 — Ирзекапинис, погр. 159; 14 — Суворово, погр. 442; 15 — Тумяны, погр. 15; 16 — Доброе, погр. 12к; 17 — Доброе, погр. 42; 18 — Доброе, погр. 11; 19 — Доброе, погр. 20; 20 — Тумяны, погр. 211; 21 — Тумяны, погр. 147; 22 — Тумяны, погр. 110; 23 — Тумяны, погр. 30а; 24 — Суворово, погр. 66; 25 — Суворово, погр. 99; 26 — Холмогорье, погр. б/№; 27 — Суворово.

ных фибул). Этот ряд развития артефактов завершается. Одновременно возникают новые типологические ряды (подковообразные застежки моравского происхождения и стремена степных типов), характерные для культуры пруссов почти вплоть до войн с крестоносцами, а для литовских племен — до XVI в.

Судя по материалу могильников, затухание одних рядов и возникновение других по времени совпадают на рубеже VII—VIII вв., маркируя тем самым момент кри-

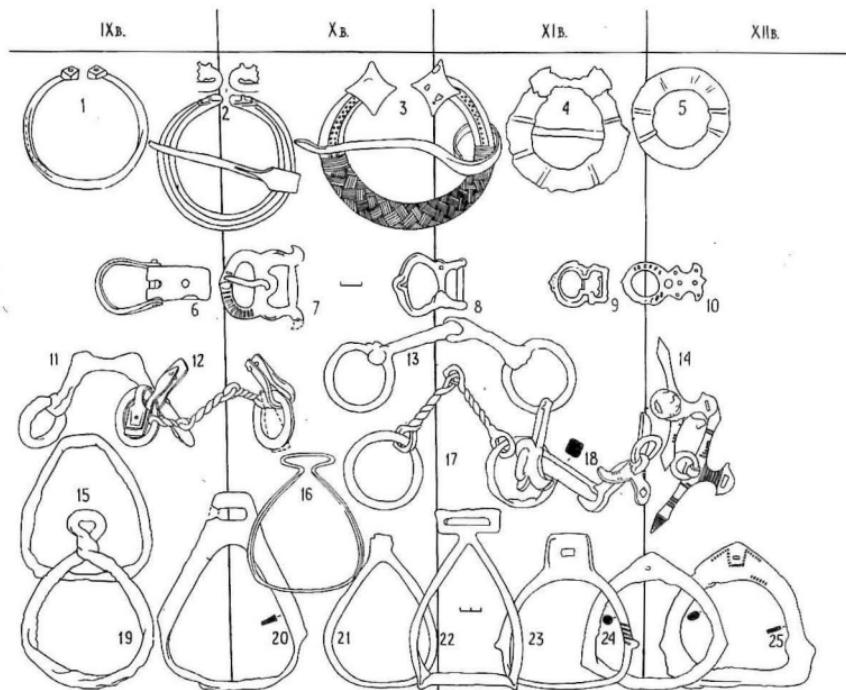

Рис. 2. Хронология прусской культуры IX—XII вв.

1 — Кауп. кург. 151в; 2 — Ирзекапинис, погр. 97; 3 — Кауп. кург./143; 4 — Ирзекапинис, погр. 5а; 5 — Ирзекапинис, погр. 16; 6 — Кауп. компл. 7971:6; 7 — Ирзекапинис, погр. 106; 8 — Ирзекапинис, погр. 1; 9 — Ирзекапинис, погр. 132; 10 — Ирзекапинис, погр. 121; 11 — Ирзекапинис, погр. 148; 12 — Ирзекапинис, погр. 140; 13 — Ирзекапинис, погр. 40; 14 — Ирзекапинис, погр. 60; 15 — Ирзекапинис, погр. 111; 16 — Суворово, погр. 422; 17 — Суворово, погр. 325; 18 — Ирзекапинис, погр. 30; 19 — Ирзекапинис, погр. 90; 20 — Ирзекапинис, погр. 6; 21—22 — Суворово, погр. 325; 23 — Ирзекапинис, погр. 41; 24 — Ирзекапинис, погр. 41; 25 — Ирзекапинис, погр. 45.

зиса в истории пруссов. Более подробно хронологию культуры пруссов можно представить по векам (разумеется, достаточно условно, базируясь на традиционно датируемых находках) следующим образом:

V в. характеризуется возникшими ранее в западнобалтской среде формами украшений (арбалетовидные фибулы упрощенной схемы, круглые застежки с выступами, янтарные бусины типа Paucken). Пряжки с обоймами гуннского

круга древностей появляются здесь во второй половине V в. Также новацией являются пластиначатые застежки с тремя «лучами» — показатель внедрения в местную этническую среду отдельных групп западных германцев. Последние по Иордану известны в конце V в. в низовьях р. Вислы под именем «видивариев».⁸ Этому времени соответствует зарождение обособленной от рода дружины пруссов.

С сер. VI в. развитие форм, ранее присущих собственно прусской культуре, реализуется наиболее ярко на памятниках мазурской группы. Ареал пруссов (Самбия, часть Вармии и Натангии, занятые к этому времени предками сембов) дает менее эффектный материал. Здесь VI в. ознаменован отказом от урн типа Grebieten переходом к времененным биконическим урнам небольших размеров. Для местной культуры феномен VI в. объясним появлением в западной части Мазурского Поозерья группы населения из Подунавья, приступившей к укреплению контактов по Янтарному пути. Одним из следствий этого стала деятельность мазурских мастеров по изготовлению на основе местных архетипов украшений для обмена на янтарное сырье⁹. Определенный застой в материальной культуре пруссов связан, видимо, с политической зависимостью их от мазурской дружиной группировки¹⁰.

К сер. VII в. в мазурской культурной группе создаются вполне самостоятельные элементы материальной культуры (застежки типа Sprossen, пряжки с прорезными обоймами). Однако на рубеже VII—VIII вв. существование самой мазурской группы внезапно прекращается, а означенный выше материал в массе появляется на памятниках пруссов. К этому времени они прочно осваивают земли по берегам Вислинского залива до устья р. Ногаты, становящиеся центром прусской культуры. Данный факт однозначно можно объяснить только успешным для пруссов военным конфликтом с населением Мазур¹¹.

Данная кризисная ситуация в истории пруссов послужила резкой границей в развитии их материальной культуры. С нач. VIII в. прусская дружина занимает главенствующее положение в местном обществе. Отголоски этого события нашли отражение в легенде о «священном царстве» Брутена и Видевута¹². Как и у славян острова Рюген, дружина у пруссов сакрализуется, отчуждение прибавочного продукта воинами начинает осуществляться не в результате военных походов и сбора дани, а в виде жертв богам. В отличие от большинства дружин Балтийского региона,

главенство у пруссов теперь принадлежит не военачальнику, а верховному жрецу Криве. Фактически происходит реанимация родовых традиций. Вследствие стабилизации социальной обстановки в обществе пруссов их материальная культура в VIII в. нивелируется. Временными показателями являются базирующиеся на тюрских прототипах стремена.

В первой половине IX в. для истории пруссов ярким событием стало внедрение в их дружину скандинавов (легендарный поход Рагнара Лодброка)¹³. Центр прусской культуры перемещается с земель у устья р. Ногаты на Самбию, роль торгового центра вместо Трусо начинает играть Кауп.¹⁴ Отметим, что покрывающийся к этому времени речными наносами порт в Трусе, судя по находкам, уже в нач. VIII в. принимал суда из Скандинавии. Соответствующее поселение, судя по находкам на могильниках в г. Эльблонге, включало выходцев с о. Готланда.¹⁵ Если в районе затухающего Труса Вульфстан в кон. IX в. наблюдал малоотличимые от родовых обычай сакрализованной дружины, то памятники северо-востока Самбии этого же времени показывают отход местных воинов от старых традиций. На памятниках в округе Каупа появляется масса вещевых новаций. Среди них — подковообразные фибулы с гранеными головками. Присущие ранее финно-уграм востока Балтики, они попали на Самбию в результате вероятного участия пруссов в операциях по «Восточному пути». Их результатом в сер. IX в. стало образование Древнерусского государства, стабилизированного торговые контакты населения Прибалтики с народами Азии.

Упомянутый Саксоном Грамматиком поход сына Харальда Синезубого (сер. X в.) на Самбию отражен в увеличении в прусских могильниках этого времени деталей конского снаряжения северного происхождения. Резко расширяется номенклатура погребального инвентаря, появляются новые черты обряда (сожжение в ладье). Дружина Самбии к кон. X в. приобретает, видимо, законченную форму¹⁶ и выходит из-под контроля жрецов.

XI—XII вв. характерны прекращением интенсивных культурно-этнических импульсов на Самбию извне. Местные древности развиваются сугубо самостоятельно, проявляя тенденцию к деградации (на примере фибул и стремян). С одной стороны, это связано с обычаем изготовления вотивных предметов погребального инвентаря, с другой — с гибеллю в 1016 г. в результате похода Канута Великого торгово-

ремесленного центра Кауп, снабжавшего местную дружины своей продукцией.¹⁷ К сер. XII в. полностью прекращаются типологические ряды инвентаря прежней фазы прусской культуры. Меняется погребальный обряд: кремация повсеместно сменяется ингумацией. Все это однозначно свидетельствует о том, что дружины новой формации ввиду явного конфликта со жреческой верхушкой покидает пределы Родины.

Итак, приведенный выше очерк хронологии прусской культуры показывает четкую реакцию хода ее развития на события истории. Эти события связаны, в первую очередь, с формированием, расцветом и концом прусской дружины. Передовая в социальном отношении часть общества пруссов, постоянно пополнявшаяся за счет иноземных воинов-профессионалов, прусская дружины контролировала важнейший во всех отношениях регион Балтики — Янтарный берег, бывший в ту пору к тому же и естественным скрещением торговых путей. Поэтому вполне логично, что именно этапы истории дружины пруссов определяли течение всей истории населения западных рубежей балтского мира.

Литература

1. Tischler O. Katalog der Ausstellung prähistorischer und antropologischer Funde zu Berlin. Berlin, 1880.
2. Bezzemberger A. Katalog des Prussia-Museums. T. II (Eisenzeit). Königsberg, 1987.
3. Kemke H. Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode „E“ der ostpreussischen Gräberfeldern // Prussia. Bd. 23. 1914. S. 1—57.
4. Godłowski K. The Chronology of the Late Roman Period and Early Migration Periods in Central Europa. Kraków, 1970.
5. Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. // Материалы по этнографии. Л., 1926. Вып. 1, табл. 1—3.
6. Третьяков П. Н. Костромские курганы // ИГАИМК, Т., X, 1937. Вып. 6—7, табл. 1.
7. Статьи по конкретным могильникам находятся в печати.
8. Кулаков В. И. Видварии и Витланд // Тезисы XI конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 1989 (в печати).
9. Кулаков В. И. Пруссы и восточные славяне // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. Ia. С. 116—118.
10. Кулаков В. И. Историческая реликвия пруссов // Древности Калмыкии. Элиста, 1989 (в печати).

11. Кулаков В. И. Прусы, авары и анты: конфликт 675—700 гг. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 172—174.
12. Кулаков В. И. Земля пруссов и «прусские земли» // Балтославянские исследования 1985 г. М., 1987. С. 96.
13. Кулаков В. И. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII—начала XI вв. // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 128.
14. Кулаков В. И. Памятники археологии древней Самбии. // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985, С. 86.
15. Кулаков В. И. Дружинные элементы... рис. 1.
16. Кулаков В. И. Ирзекапинис. Погребальный обряд. // Конфедерация «Религиозные представления в первобытном обществе». М., 1987. С. 225.
17. Кулаков В. И., Толмачева М. М. Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) // КСИА. № 190. М., 1987. С. 100, 101.

V. SIMĖNAS

VIDEVUTIS — LEGENDA AR TIKROVĘ?

Lietuvos metraščiuose bei prūsų kronikose yra taip vadina legendinė metraščių dalis. Ji apima pačius seniausius istorijos laikus. Legendomis istorijos mokslas vadina autentiškais šaltiniais nepagrįstas ir todėl atmestas hipotezes bei teorijas, kurių herojai išlieka gyvi grožinėje literatūroje arba tautosakoje¹.

Nereikia manyti, kad viskas, kas toje dalyje parašyta, yra netikra. Legendomis pripažintos istorijos, kad ir kokios fantastiškos būtų, turi tikrovės šaknis ir savas atsiradimo priežastis. Metraščių legendinės dalies atsiradimas paaiškinamas tuo, kad baltų kraštuose metraščiai pradėti rašyti gana vėlai — tik XIV a. Todėl trūkstant istorinių duomenų, metraštininkai remdavosi senesniais dokumentais, kaimyninių kraštų metraščiais bei liaudyje paplitusiais pasakojimais ir padavimais. Tokį žinių parinkimą istorikas A. Kojelavičius paaiškina tuo, kad „šitokia įsigalėjusi nuomonė paskleista senolių, verta kur kas didesnio pasitikėjimo, ir negalima jos vadinti prasimanymu neįžeidžiant senovės“².